

(3)
ТИХАЯ ГАВАНЬ

Этот член АА обнаружил, что процесс распознавания того, кем он на самом деле является, начинается с осознания того, кем он не хочет быть.

Тюрьма. Как чудесна здесь жизнь! Вот он я, сижу в своей камере и жду, пока подогреется чайник, чтобы сделать себе чашку растворимого кофе и предаться воспоминаниям. Взвешивая текущие обстоятельства, я размышляю о том непреложном факте, что идет уже четвертый год моего заточения. До сих пор я иногда просыпаюсь по утрам с желанием, чтобы все это оказалось дурным сном.

Я вырос отнюдь не в семье любителей выпить, но, когда в тринадцать лет впервые попробовал спиртное, понял, что буду пить и дальше. Как только я делал глоток алкоголя, всякий страх перед возможными последствиями отступал, несмотря на то, что я воспитывался в доме, где придерживались высокоморальных принципов. Иногда, разъезжая по округе на велосипеде, я выискивал какого-нибудь взрослого, пьющего пиво у себя во дворе. А позже, когда знал, что его нет дома, возвращался и пробирался к его холодильнику, чтобы стащить драгоценную выпивку.

Я очень хорошо помню то утро, когда вместе с другим мальчиком украл у своего отца кредитную карту и угнал пикап. Мы собирались сбежать в Калифорнию, чтобы стать кинозвездами. У нас был пистолет, чтобы грабить магазины, когда нам понадобятся пиво, наличные и сигареты. Однако прежде чем закончился первый день нашего путешествия, я сказал своему приятелю, что не могу ехать дальше и мне нужно вернуться домой. Я знал, что мама с папой уже на стенку лезут от беспокойства. Приятель отказался повернуть обратно, поэтому я высадил его из машины;

больше я его не видел. Мои родители, может быть, и увидели за моим поступком некие нешуточные подростковые бунтарские настроения, но им и в голову не пришло, что подпитывала их болезнь под названием «алкоголизм».

В шестнадцать лет я устроился на неполный рабочий день ди-джем на местную радиостанцию. Знающие люди заметили, что у меня способности к этому делу, и потому я бросил школу и стал целыми днями крутить пластинки. Выпивка и вечеринки шли рука об руку с этой работой. Вскоре я разработал схему, которая действовала много лет. Когда мой алкоголизм становился очевидным для начальства и начинал сказываться на работе, я просто увольнялся и находил место в какой-нибудь другой радиовещательной компании.

Мне вспоминается один день, когда я вел полуденное шоу и вдруг почувствовал, что больше не протяну без спиртного и минуты. Тогда я поставил пластинку и тихонько вышел из здания, так, что никто не заметил. После этого поехал в винный магазин, купил бутылку виски, сел обратно в машину, включил радио и начал пить. Пока я сидел и слушал песню за песней, альбом, в конце концов, закончился, и стал слышен лишь скрип иглы по подставке. Наконец, кто-то из персонала станции понял, что меня нет на месте, и поставил другую пластинку.

На протяжении тех лет, что я был связан с радиовещанием, я время от времени дежурил на погодном радаре. Моей задачей было отслеживать по его информации ураганы, смерчи, град, наводнения и тому подобное. В случае опасности я пользовался своим сотовым телефоном, чтобы передать по радио экстренное предупреждение. Однажды ночью был особенно сильный ураган. Когда я сообщал об этом в прямом эфире, звук был такой, будто я нахожусь на передовой линии военных действий, а нас в этот момент слушало больше народу, чем когда-либо.

На следующий день одна газета опубликовала статью, в которой расхваливала нашу радиостанцию за профессиональное освещение ситуации с погодой. Но никто не знал, что все эти «профессиональные» репортажи велись из вполне безопасного места – с моего заднего двора, – а я при этом попивал бурбон с колой и с каждым новым стаканом импровизировал немного лучше.

Периодически я работал радиожурналистом и докладывал о многих происшествиях прямо с места событий. Я регулярно выпивал на работе и, когда поступали сообщения об автомобильных авариях, случившихся по вине пьяного водителя, частенько сам бывал нетрезв. Держа в одной руке микрофон, а в другой – фляжку, я прыгал в фургон службы новостей и несся на место несчастного случая, будучи столь же или даже более пьяным, чем его виновник. В один прекрасный день я должен был, учинив на алкогольной почве серьезную аварию, неизбежно *сам* стать новостью, а не просто тем, кто их сообщает.

У меня несколько раз бывали столкновения с законом – из-за неуплаты штрафов, появления в нетрезвом виде в общественных местах, драк, вождения в состоянии опьянения. Но ничто не могло сравниться с одним случаем, когда меня вызвали в полицию для допроса касательно убийства. Предыдущим вечером я пил и ввязался в серьезный конфликт. Я знал, что никого не убивал, но меня считали главным подозреваемым. После одно- или двухчасового допроса полицейские решили, что преступление совершил не я, и отпустили меня. Однако этого оказалось вполне достаточно, чтобы я сосредоточил все свое внимание на собственном пьянстве.

Я пошел домой и позвонил одной своей подруге, которую неделю назад встретил в торговом центре. До этого я пару лет с ней не разговаривал, но заметил, что теперь она выглядит и ведет себя совсем по-другому. В беседе она упо-

мянула, что уже больше года совсем не употребляет алкоголя, и рассказала мне о некой группе друзей, которые помогают ей оставаться трезвой. Я солгал ей, что тоже какое-то время не пью. Не думаю, что она мне поверила; как бы то ни было, она дала мне свой номер телефона и предложила позвонить, если я захочу познакомиться с ее друзьями. Позже, набравшись храбрости, я позвонил ей и признался, что у меня проблемы с алкоголем и что я хочу завязать. Тогда она отвела меня на мое первое собрание.

Попав в Сообщество Анонимных Алкоголиков, я понял, что обрел тихую гавань. Тем не менее, последующие четыре с половиной года я подпадал под категорию, на жаргоне АА именуемую «хронически срывной». Мне удавалось продержаться без спиртного добрых полгода, но затем я покупал бутылочку, чтобы отпраздновать.

Я делал все то, что мне рекомендовали не делать. В течение первого года в АА я принял ряд важных решений – жениться, снять самую дорогую квартиру, какую смогу найти, не пользоваться услугами спонсора, избегать работы над Шагами, слоняться по излюбленным притонам со своими старыми собутыльниками, а на собраниях больше говорить, чем слушать. Короче говоря, я не соответствовал условиям, при которых АА творит чудеса. Моя болезнь прогрессировала, и я превратился в постоянного пациента вытрезвителей, отделений интенсивной терапии и лечебных центров. Передо мной маячила перспектива полной потери рассудка и скорой смерти.

Говорят, что алкоголики обретают либо трезвость, либо тюремную решетку, либо гробовую доску. Поскольку у меня отсутствовала подлинная готовность делать то, что необходимо для обретения трезвости, я оказался лицом к лицу с двумя другими альтернативами. Я и вообразить не мог, что это случится так скоро.

Был прекрасный сентябрьский уик-энд, прямо перед Днем Труда. Я решил купить ящик пива и бутылку вина. Позже, вечером, я добавил ко всему этому виски, у меня помутился рассудок, я совершил преступление, меня арестовали, а через десять дней осудили и приговорили к двадцати годам в тюрьме.

Думаю, смерть алкоголика может происходить подобным же образом: выпил, потерял рассудок, умер. Тюрьма, по крайней мере, дала мне еще один шанс на жизнь.

Не могу описать вам, как тяжело алкоголику, попавшему за решетку, вынужденно смиряться с обстоятельствами. Хотя я и заслужил тюрьмы, это стало для меня ужасным ударом. Лишь чтение личных историй из потрепанной Большой Книги, которую я нашел в своей камере, несколько ободряло меня и давало надежду. И вот настал день, когда я услышал нечто, что было бальзамом для моих ушей. Нам объявили, что в тюремной церкви состоится собрание АА. Я вошел туда и занял место в круге стульев, где снова обрел тихую гавань.

Сейчас, когда я пишу эти строки, после того собрания в церкви прошло три с половиной года. Меня перевели в другую тюрьму, но я продолжаю активно участвовать в деятельности этого замечательного Сообщества. Оно дало мне так много благ! Оно вернуло мне здравомыслие и подарило всеобъемлющее чувство равновесия. Теперь я готов слушать и принимать рекомендации. Я обнаружил, что процесс распознавания того, кем я на самом деле являюсь, начинается с осознания того, кем я не хочу быть. И, хотя моя болезнь подобна силе тяготения, которая только и ждет возможности увлечь меня вниз, АА и Двенадцать Шагов подобны силе, которая позволяет самолету оторваться от земли, и работают они только в том случае, если пилот все делает правильно. Благодаря нашей программе я вырос в эмоциональном и интеллектуальном от-

ношениях. Я не только живу в мире с Богом, но и обрел Его мир через активное Божественное сознание. Я не просто выздоровел от алкоголизма, я стал цельной личностью - телом, духом и душой.

С тех пор, как я принял принципы АА, чудеса происходят со мной одно за другим. Те самые судья, которые заключили меня в тюрьму, и даже жертвы совершенного мной преступления поддержали прошение о моем досрочном освобождении. Случайность? Не думаю. Вдобавок, я получил письма от своих бывших нанимателей, которые узнали о том, что я веду трезвый образ жизни, и снова предлагают мне работать на радио. Вот лишь немногие из примеров того, как Бог делает для меня то, что я не могу сделать для себя сам.

В благодарность за милосердие Божье я, помимо прочего, решил сразу же после выхода на свободу активно способствовать распространению идей АА в исправительных учреждениях, ведь теперь это чрезвычайно важно для меня и моей собственной трезвости.

Я по опыту знаю, что не могу вернуться назад и начать все с чистого листа. Но благодаря АА я могу, начиная с этого момента, идти к совершенно новому результату.